

УДК 32.001

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

© Т. А. Никитина

Оренбургский государственный университет
Россия, 460018 г. Оренбург ГСП, пр. Победы, 13.
Тел./факс: +7 (3532) 72 37 01.
E-mail: nikitina2408@mail.ru

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию роли социально-политических институтов в общественной жизни. Возрождение интереса к институциональной тематике породило дискуссию о том, как следует понимать это общественное явление. В центре внимания данного исследования концепция рационального выбора и движение исторического институционализма.

Ключевые слова: *новый институционализм, административная структура, исторический институционализм, максимизация, теория рационального выбора.*

Взаимодействие в рамках любой общности людей структурировано, то есть определенным (формальным или неформальным) образом упорядочено, организовано. Если мы примем эту социологическую аксиому, мы должны будем задаться вопросом: как происходит эта организация, какова природа разнообразных социетальных структур? (Это допущение формирует одно из оснований структурно-функциональной школы. Оно тесно связано с другими допущениями – положениями о том, что любое сообщество должно быть интегрировано и должно достигать стабильности. В данном исследовании мы оставляем в стороне вопрос об обосновании этих фундаментальных метатеоретических допущений. Такое рассмотрение вывело бы нас не только рамки темы, но и за пределы политических исследований вообще. Отметим только то, что эти положения во многом сформировали общетеоретический фон институциональных исследований. (Подробнее о роли метатеоретических допущений в социологии см. Тернер [2])).

Ответом на эти вопросы становится теория социально-политических институтов, в рамках которой обосновывается положение о том, что, ведущая роль в организации общественного взаимодействия принадлежит институтам, и создание общественной организации есть не что иное, как процесс формирования и сочленения институциональных комплексов, возникающих в экономике, социально-культурной сфере и политике. К числу первых в современной науке об обществе теорий институционализации следует отнести концепцию, которая была предложена одним из основоположников современной социологии Толкотом Парсонсом [1].

В своей поздней работе «Система современных обществ» (1971), которая во многом подводит итог его многолетним теоретическим поискам, Парсонс, рассматривая условия становле-

ния социальных систем разного уровня, пишет: «Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями» [3, с. 19]. То есть институты понимаются Парсонсом как совокупность социальных норм, определяющих порядок общественного взаимодействия, или (используя терминологию самого Парсонса) формирующих структуры социального действия.

Известный американский политолог Нельсон Полсби как-то сказал: «Политическая наука – это изучение институтов» [4, с. 3]. Действительно, следует отметить, что политическая наука начиналась именно как изучение институтов. Тогда в центре внимания исследователей стояли вопросы о природе и способе организации деятельности правительственных (государственных) организаций (структур). Позднее так называемая «бихевиористская» революция довольно надолго отодвинула институты на периферию политических исследований. Основное внимание в этот период уделялось изучению политического поведения. Однако в последние десятилетия институциональная тематика возвращается на передний план не только политологии, но и других наук об обществе. Для обозначения этого научного движения часто используются особый термин «новый институционализм».

Закономерен вопрос: чем же нов «новый институционализм», и чем он отличается от институционализма «старого» (что такое «старый институционализм»)? Начнем с того, что укажем на одно очевидное обстоятельство, а именно: современные «новые» институционалисты следуют традиции, сформированной такими авторами, как Торстейн Веб-

лен и Макс Вебер, а в более позднее время развиваемой Рейнхардом Бендиксом, Гарри Экштейном и Самуэлем Хантингтоном. Но чтобы понять своеобразие нового институционализма, следует обратиться к несколько более подробному рассмотрению того, как развивалась современная политическая наука.

«Старый институционализм» (хронологически этот период преимущественно связан со временем между рубежом XIX и XX столетий и Второй мировой войной) по преимуществу включал подробное изучение разного рода административных, правовых и политических структур или организаций. Это изучение носило почти исключительно нормативный характер и проходило вне компаративного анализа схожих структур за пределами США. Такого рода исследовательская логика, построенная на нормативных обобщениях, затрудняла поиск моделей, позволяющих не просто описывать, но также и объяснять политические явления и процессы.

«Бихевиористская революция» 50–60-х годов XX века проходила как отрицание старого институционализма. Она исходила из положения о том, что формальные законы, правила (и основанное на них понимание деятельности административных структур) не описывают действительного политического поведения и не способны объяснить ход и результаты тех или иных политических процессов. Бихевиористы утверждали, что для понимания и подлинно-научного (то есть причинно-следственного) объяснения политики необходимо исследовать не формальные (нормативные) атрибуты правительственных структур, а неформальное распределение власти, культурных установок и политического поведения. Бихевиористы стремились вместо описательного подхода «старых институционалистов» предложить теоретический подход. Это было время рождения многих фундаментальных теорий современной политологии. Подчеркнем, что обоснование этих теорий, помимо прочего, потребовало интенсивного развития кросс-культурных сравнительных исследований [4, с. 3, 4].

Даже в период наивысшего подъема бихевиористского движения звучали голоса, выступающие с критикой его оснований. И в конце 70-х годов XX в. эта возрастающая критика привела к смене приоритетов в политических исследованиях. Существо институциональной критики бихевиоризма можно выразить словами американского исследователя Кеннета Шепсла: «Цена, которую мы заплатили за методологические и теоретические инновации послевоенной эпохи, – это чрезмерное внимание, уделяемое поведению. Наша способность

описывать (и в меньшей степени объяснять) поведение ... приглушила некогда очень живой интерес к институциональному контексту и действительным результатом институциональной деятельности. В целом, бихевиористская революция представляла собой положительное явление. Но за многие научные достижения мы были вынуждены заплатить сужением своего аналитического горизонта» [5, с. 52].

Исследуя особенности политического поведения в попытке объяснения результатов политической жизни, бихевиористы оказались неспособны дать ответы на следующие фундаментальные вопросы: почему политическое поведение, а также культурные установки и распределение ресурсов между разными группами столь существенно отличается в разных странах? Так, например, если при объяснении политического влияния групп интересов в разных странах мы будем рассматривать только их организационную структуру и предпочтения их членов, то будем лишены возможности понять, почему в разных национальных контекстах уровень их влияния оказывается неодинаковым. Для того чтобы понять это, необходимо рассматривать различия в сложившихся в разных странах институциональных «ландшафтах» [6, с. 8].

Стремление к тому, чтобы объяснить кросс-национальные различия в политике, стало одним из главных мотивов, способствующих становлению и развитию нового институционализма. Многие понятия предшествующей научной эпохи, которые указывали на социальную и культурную общность больших групп стран (например, обществ «традиционных» и обществ «современных», модернизированных), уходят на второй план. Место этих «больших» макротеорий занимают концепции «среднего» уровня, ориентированные на изучение отдельных структурных компонентов политики в разных национальных контекстах (например, партийных структур).

При этом возрождение институциональной тематики приобретает разные формы. Одно из наиболее важных проявлений этого процесса связано с возрастанием объема исследований, использующих теорию рационального выбора (в индивидуальном и групповом поведении), во-первых, для изучения влияния институтов на социальное развитие и, во-вторых, для рассмотрения способов, посредством которых эти институты создаются и изменяются [7; 8; 9]. Исследования такого рода могут быть обнаружены в экономике (экономические организации и экономическая эффективность), политической науке (политические институты, электоральные

институты, конституции, право), социологии и антропологии (социальные нормы и социальные практики). Еще одним имеющим большое теоретическое значение направлением институциональных исследований стал «исторический институционализм», который тесно связан с политическим компаративизмом. Таким образом, в результате масштабных усилий большого числа ученых, работающих в разных областях общественнознания, была сформирована очень насыщенная «повестка дня» для исследований, посвященных роли институтов в общественной жизни.

Возобновление интереса к институтам породило или, вернее, возродило дискуссию о том, как следует понимать это общественное явление. В рамках теории рационального выбора существует три основных подхода, позволяющих ответить на вопрос о том, что представляют собой институты. Первый подход определяет институты как равновесие. Формирование этого подхода связано с работами К. Менгера и Ф. фон Хайека [10, 11], а его современное развитие – с научной деятельностью Р. Калверта [12]. Теоретическая логика в рамках этого подхода особое внимание уделяет стабильности, которая может стать результатом взаимно понятых предпочтений и оптимизации поведения. При этом такие стабильные структуры поведения и понимаются как институты. Второй подход рассматривает институты как нормы. Он связан с работами Д. Льюиса и Дж. Коулмана [13, 14]. В рамках третьего подхода институты воспринимаются как правила. Этот подход сейчас наиболее широко принят в среде политологов, социологов и экономистов. В своих работах его используют Дж. Коммонс, К. Шепсл [15, 16, 17], Дуглас Норт, Элино́р Остро́м [18, 19] и другие исследователи.

Эти три подхода имеют между собой много общего. Все они выводят социальный порядок из индивидуального поведения и взаимодействия и сосредоточены на том, чтобы предложить институциональные объяснения для наблюдаемой упорядоченности в формах и структурах человеческого поведения. Различия же между подходами связаны с представлением о природе обоснования этой упорядоченности. Так, восприятие институтов как состояния поведенческого равновесия основано на допущении о том, что рациональные индивиды, взаимодействуя с другими рациональными индивидами, продолжают изменять свои запланированные ответы (реакции) на действия других людей до тех пор, пока эти изменения уже не могут повысить результативность их поведения. Чтобы понять, на чем основаны упорядоченные формы взаимодействия, мы должны задаться вопросом о том, каким образом все участники

взаимодействия (акторы) могут быть мотивированы к установлению равновесия.

Можно выделить несколько философских оснований для истолкования институтов как структур поведенческого равновесия. Прежде всего, такое понимание институтов возлагает ответственность за поддержание социального порядка на самих индивидов-участников общественного взаимодействия, которые являются частью этого порядка, а не на какую-то третью сторону (например, государство). Это дает возможность соединить анализ поведения внутри институтов с анализом процессов формирования институтов. Изучая взаимные (рационально понимаемые) ожидания и предпочтения акторов, а также их попытки оптимизации своего поведения, мы можем говорить о модели институтов, которые не требуют для поддержания своей жизнеспособности никакого внешнего воздействия или допущения каких-либо иррациональных мотивов. Таким образом, любой институт – это не что иное, как упорядоченная поведенческая структура, поддерживаемая взаимными ожиданиями, возникающими в ходе взаимодействия [12, с. 17]. Этот подход позволяет составить более адекватное видение институтов, а именно: избежать ошибочного их восприятия вне контекста взаимопонимания акторов и их поведения [20, с. 582, 583].

Однако, как отмечают Кроуфорд и Остром, данный подход имеет и целый ряд существенных недостатков. Прежде всего, они связаны с тем, что подразумеваемый в рамках этого подхода контекст взаимопонимания о должном образе действий в той или иной ситуации трактует поведенческие ожидания так как будто они имеют одну и ту же природу. Это некритическое объединение ожиданий не позволяет различать разные их категории, а именно: простые пожелания, нормативные суждения или же правила, устанавливаемые сообществом и поддерживаемые путем применения санкций [20, с. 583].

Второй из обозначенных нами подходов связывает институты с нормами. Он указывает на то, что многие наблюдаемые формы взаимодействия основаны на разделяемых акторами представлениях о должном или не должном поведении в определенных ситуациях. Для понимания того, почему некоторые упорядоченные формы взаимодействия существуют, необходимо заглянуть за лежащие на поверхности отношения, основанные на представлениях о целях и средствах их достижения. Необходимо подвергнуть рассмотрению разделяемые индивидами комплексы нормативных обязательств.

Наконец, третий подход, определяющий институты как правила, подчеркивает то, что многие формы наблюдаемого поведения осно-

ваны не просто на взаимно разделяемых нормах, но на положениях, исполнение которых поддерживается определенным порядком санкций для тех, кто выходит за рамки взаимосогласованных и ожидаемых членами сообщества (или группы) поведенческих образцов. Несомненно, наиболее известным из представителей этого третьего подхода является Нобелевский лауреат по экономике Дуглас Норт. Приведем определение, данное в его знаменитой книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1990). Норт пишет: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества изменяются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [18, с. 17].

Подход, предложенный Дугласом Нортом, получил признание как в академических кругах, так и за пределами собственно академической сферы. Отметим одно обстоятельство, непосредственно связанное с темой этой работы. Норт, хотя и отталкивался в своем исследовании от работ последователей концепции рационального выбора (и теории игр), установил независимость институциональных конструкций от отвлеченной логики рациональной калькуляции потерь и приобретений, которая направлена на «рациональную» (и, казалось бы, естественным образом присущее каждому «разумному» человеку) максимизацию своих усилий в процессе социального общения с другими людьми. Он обратил внимание на то, что институты могут формироваться под влиянием самых разных исторических факторов, и, раз сформировавшись, они становятся социально-культурным контекстом, который очень часто имеет силу гораздо более значимую, чем какой бы то ни был рациональный подсчет.

Да и подсчет такого рода в реальных условиях довольно сложен, так как его реализация требует целого набора факторов, которые нечасто можно наблюдать одновременно. Сугубо рациональное поведение могло бы иметь место в том случае, если бы, во-первых, акторы располагали необходимой информацией друг о друге и, во-вторых, акты взаимодействия носили бы регулярный характер и продолжались в будущем неопределенно долго. Такие условия в современном обществе выполняются очень редко. Они скорее отвечают укладу замкнутых локальных сообществ в традиционном обществе.

Подобное понимание роли институтов в поведении социальных акторов переносит их в контекст исторического исследования, направленного на выявление механизмов, которые в особых (часто неповторимых) условиях жизни того или иного сообщества, формировали (и формируют) нормативные модели (понимаемые также и как модели мотивации и модели целеполагания), определяющие индивидуальные выборы огромного количества людей в бесчисленных актах социального взаимодействия. Именно это и объединяет подход Норта с движением исторического институционализма.

Представители исторического институционализма также рассматривают институты в качестве контекста, в котором политические акторы определяют свои поведенческие стратегии и преследуют свои цели. Так же как и Норт, исторические институционалисты (в отличие от приверженцев теории рационального выбора) идут дальше в своем стремлении исследовать вопрос о роли институтов в определении содержания политики и политической истории в целом. Они полагают, что строго рациональное видение институтов является чрезмерно суженным. Во-первых, они указывают на то, что политические акторы не являются всезнающими субъектами максимально рационального действия, их скорее можно рассматривать как тех, кто просто следует существующим правилам. «Длительное качество организованной жизни, по преимуществу, раскрывается не просто ссылкой на максимально рациональных индивидуальных акторов, но указанием на самодостаточность повторяемых практик, с точки зрения данного их качества, а также возобновляемости и структурного воспроизводства» [21, с. 9]. Другими словами, люди в большинстве случаев вовсе не просчитывают последствия того или иного выбора поведения, пытаются максимизировать свои выгоды. В большинстве случаев они просто следуют выработанным сообществом правилам, даже если они и не ведут непосредственно к реализации их интересов.

Во-вторых, рациональные и исторические институционалисты расходятся в своем видении того, как формируются предпочтения. С точки зрения рационального выбора, предпочтения выступают в качестве допущений, вытекающих из теоретически постулированного положения о политических акторах как о субъектах поведенческой максимизации собственного интереса (Максимизация – термин, использующийся в социальных науках (прежде всего, в так называемых теориях рационального выбора) и экономике для обозначения индивидуальных или групповых поведенческих стратегий которые направлены на максимальное достижение собственных интересов

(то есть собственной материальной выгоды). Важнейшей характеристикой процесса максимизации является его строго рациональный характер.) Исторические институционалисты полагают, что характер формирования поведенческих предпочтений является гораздо более неопределенным, поскольку не только поведенческая стратегия, но также и цели акторов обусловлены институциональным контекстом. Например, исторические институционалисты при определении классовых интересов больше внимания уделяют функции классовой позиции индивидов, обусловленной государством и общественными институтами, а не индивидуальным выбором. Рассматривая цели стратегии и предпочтения как то, что должно быть объяснено, исторические институционалисты показывают, что до тех пор, пока не известен контекст, допущения о поведении бессмысленны. Они подчеркивают, что исторический анализ способен сообщить, что именно акторы стремятся максимизировать, и почему они предпочитают одни цели другим.

Таким образом, основное различие между «рациональными» и историческими институционалистами связано с представлением о природе формирования поведенческих предпочтений. Формируя не только стратегии акторов, но также и цели их поведения, и организуя их отношения сотрудничества и конфликта, институты структурируют политические ситуации и накладывают отпечаток на результаты политики. Разумеется, среди политических акторов в той или иной степени существует понимание роли институтов в политической жизни общества. Именно поэтому институты (то есть доступ к возможности изменения институтов, к определению способов институционального строительства) всегда были и, разумеется, будут предметом острой политической дискуссии и борьбы.

Как нам кажется, исторический институционализм предлагает более адекватные (по сравнению с другими рассмотренными нами подходами) инструменты для изучения проблематики, связанной с пониманием социальных основ политического развития. Так, он дает возможность рассмотреть взаимосвязь между политическими акторами и как объектами, и как агентами истории. Институты формируют и накладывают ограничения на политические стратегии, но, в свою очередь, они сами являются намеренным или ненамеренным результатом определенных политических стратегий, политического конфликта и выбора.

Другое преимущество подхода связано с тем, что он позволяет видеть различия между разными

странами, которые затемнялись «макротеориями» предшествующего периода, такими как марксизм или теория модернизации. Интерес к институтам в рамках этого подхода не отодвигает в сторону интерес и к другим компонентам (переменным) политики – игрокам (акторам), их интересам и поведенческим стратегиям, а также к распределению власти между ними. В то время как многие теории прибегают к дедуктивной исследовательской логике, основанной на выведении заключений из ранее принятых допущений, исторический институционализм формулирует свои гипотезы индуктивным методом, отправляясь от анализа действительных политических феноменов.

Наконец, исторический институционализм в своих построениях рассматривает взаимозависимости между несколькими переменными (поведенческими стратегиями, целями, установками и институтами), в то время как «рациональный» институционализм часто критикуется именно за сведение проблематики социальных исследований к однонаправленным зависимостям между переменными. Эта сторона исторического институционализма особенно важна в том отношении, что она позволяет изучать сложное взаимодействие разнообразных составляющих социально-политических контекстов в ходе их трансформации.

Понимание институтов как поведенческих программ с заданным в рамках данного сообщества содержанием позволит нам более уверенно оценить гипотезы о взаимодействии (взаимообусловленности) институтов и социально-культурных условий их существования и развития. Особое значение такой подход получает в связи с вопросом о том, как в реальной структуре общественного взаимодействия переплетаются структуры формальных и неформальных общественных и политических институтов. В свою очередь, исследование этой проблемы является необходимым звеном в построении сложной теоретической логики, ведущей к пониманию того, как в разных конкретно-исторических контекстах действуют структуры гражданского общества, а также структуры негражданственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. Заключение / Американская социология. М., 1972.
2. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
4. Thelen K., Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics/ Thelen K, Steinmo S., Longstreth F., eds. Structuring Politics. Cambridge, 1992.
5. Shepsle K. Institutional Equilibrium and Equilibrium Institutions/ Weisberg H., ed. Political Science: The Science of Politics. New York, 1986.
6. Eckstein H. The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions. Beverley Hills, 1971.
7. Alston L., Eggertsson Th., North D., eds. Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge, 1996.

8. Dowding K., King D., eds. Preferences, Institutions and Rational Choice. Oxford, 1996.
9. Goodin R., ed. The Theory of Institutional Design. Cambridge, 1996.
10. Hayek F. von. Notes on the Evolution of Rules of Conduct/ Hayek F. von, ed. Studies in Philosophy, Politics, and Economics. Chicago, 1967.
11. Menger K. Problems in Economics and Sociology. Urbana, 1963.
12. Calvert R. Rational Actors, Equilibrium, and Social Institutions. University of Rochester, 1992.
13. Lewis D. Convention: A Philosophical Study. Cambridge, 1969.
14. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.), 1990.
15. Commons J. Legal Foundations of Capitalism. Madison, 1968.
16. Shepsle K. Institutional Arrangements and Equilibrium in Multidimensional Voting Models// American Journal of Political Science, V.23, 1979.
17. Shepsle K. Studying Institutions: Some Lessons from the Rational Choice Approach// Journal of Theoretical Politics, V.1, 1989.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
19. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. New York, 1990.
20. Crawford S., Ostrom E. A Grammar of Institutions/ American Political Science Review, V.89, 1995.
21. DiMaggio P., Powell W., eds. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago, 1991.
22. Collins R. Theoretical Sociology. San Diego, 1988.
23. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Поступила в редакцию 15.02.2011 г.